

Сегодня. — 1994. — 17 февр. — с. 10.

Лишь неизменен календарь в приметах века

Ночь. Улица. Фонарь. Тусовка. Авторская программа Владимира Молчанова. Диспут в Вальядолиде. Франция. Художественный фильм

Павел Крючков

Д

испут окончился. Два дня монастырские стены впитывали тему: можно ли считать детьми Божиими жителей испанских колоний — индейцев, не желающих принимать истинную Веру? Два дня кардинал проверял себя и других: испытывал группу подопытных краснокожих на чувство юмора, на страх, на почитание языческих идолов. Все думал, есть ли у индейцев душа. Мягко осаживал фанатичного Профессора, доказывающего, что Господь создал аборигенов рабами; терпеливо выслушивал неистового брата Бартоломео, защитника краснолицых. Перепробовал все и решил: индейцы подобны нам — они имеют бессмертную душу, их грехи искуплены кровью Христа. И посоветовал колонизаторам активнее использовать африканцев, дешевую и выносливую рабочую силу. А брату Бартоломео, вздумавшему и тут рассказывать о своих прозрениях, напомнили, что он и сам имел раба-негра; незачем, мол, начинать все сначала. В род человеческий впустили последних, по мнению церкви, возможных кандидатов. Диспут окончился.

Когда все вышли, дверь скрипнула, в щели появилась осторожная фигура негра. В руке он сжимал щит и копье, то бишь метлу и ведро. Он пришел подмести пол. Камера еще несколько секунд держала в кадре его крепкое тело.

***

Мы договаривались с вами когда-то, что программы Владимира Молчанова — это искусство.

Сорок пять минут экранного времени. Тишинский рынок, квартира, подвал, галерея. Вопросы и ответы. «А может, никуда не пойдем. А может, пойдем спать домой. А может, мы не доживем до ночи... Все может быть, нельзя же верить в будущее. Его же нету! Да нет будущего! Это же правда. Завтра можешь умереть в любую минуту». Трезвый взгляд, пьяная интонация, честная улыбка. Старые вещи, странные танцы, перформансы. Из динамика тянет странным дымком.

Светит лампочка в окне, от
поздна до рана.

И далее у А. Галича: «Ночная улица. Фонарь. Канал. Аптека...» (Новогодняя фантазия, 1973).

СЕРГЕЙ ПАРАДЖАНОВ

Марихуана, марихуана.

А постель — постель не стлана.

Марихуана.

И проигранная ночь —

в сердце рана.

Марихуана, марихуана.

Почему твоя постель никогда
не стлана?

Марихуана.

(Стихи Людвика Ашкенази из книги «Черная шкатулка». Молчанов не называет поэта по имени, не упоминает книгу. Мне везет: тот, кто смотрит фильм вместе со мной, рассказывает о ней.)

Тревожное пространство «ненормативной» жизни странно корреспондируется с великим искусством: Чайковский, Моцарт, классика XX века. Новое дыхание, другой воздух. Примерно в середине фильма Автор — с помощью видеоинженера — на секунду закрывает лица героев масками, убирает задник, делит светящийся экран надвое. «Зеркальный эффект»: в музыкальной шкатулке кружатся пестрые фигуры, они бегут и бегут по кругу. Автор дорисовывает контуры, удлиняет тени.

«Только наступит момент, когда маску придется снять, потому что карнавал, увя, не может продолжаться вечно».

«Я по-хорошему завидую им», — мягко говорит Автор, поворачивая зрителя к освещенной фонарем и экраном ночи, в которой живут и делают свое искусство его герои.

***

«Если кто-то хочет рассмотреть этих людей, это можно сделать», — сказал кардинал, и братия окружила группу озябших краснокожих.

«Ваше преосвященство, вы от-

правляли туда посланцев?» — «Да, это заняло много месяцев».

***

Автору некого отправлять в ночь, кроме себя. И он отправляется. Его герои разными голосами проговаривают свое, обычное. «Я живу, чтобы никому не вредить». «Мне весело делать радостное искусство». «Зачем думать о будущем?» Автор слушает их отсюда. Он не заглядывает под чужие маски, герои, если хотят, снимают их сами. (Да не подумает читатель, что «маска» — только непременная часть карнавального костюма. Герои пользуются ею (ими) по-разному и в разное время суток. Да и ночь — не обязательно темнота. Им нравится жить при свете.)

Автор показывает мир этих людей, пропитанный ощущением декаданса, «воспоминаниями» о 60-х. Приближает его к нам, сохраняя доброжелательно-уважительную дистанцию.

Многое Автору «кажется очень красивым».

И вдруг — ободренные скамьи, вырезанные для экспертизы карманы. «Вы ее курите?» — «Да». — «Вам от этого лучше?!» — «Причем тут лучше... Я не считаю это наркотиком».

О грехе мы рассуждаем с плохо скрываемым удовольствием. Он дорог нашему сердцу. Без него — никуда. Автор не поэтизировал грех, не соблазнил меня им. Тревога за этот мир осталась. Он не отправлял в него посланцев, не устраивал диспута. Параллельно с реальным миром создал вторую, художественную реальность — разбудил уснувшую во мне Необходимость.

Жизненную необходимость наслаждаться искусством.

И тревога за «персонажей» усилилась.

***

«Ваше преосвященство, я изменился, поскольку все мы меняемся! Сегодня мне стыдно за свои слова. Я скажу, напротив».

«Достаточно, брат Бартоломео, достаточно. Что «африканцы такие же люди, как и мы, и они — дети Адама, и мы совершим смертельный грех». Мы не будем начинать все сначала. Мы здесь не для этого».

P. S. «Ночь. Улица. Фонарь. Тусовка» была показана по первому каналу «Останкино». «Диспут в Вальядолиде» — по телеканалу СПб. Между ними — час времени.